

ФРАНСУА ДЕ ЛАРОШФУКО
 О ТРЕХ ДНЯХ
 ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поздно вечером 14 июля герцог де Лианкур, обладавший правом в любое время входить к Его Величеству, разбудил задремавшего короля и сообщил ему о взятии Бастилии. «Но это же бунт!» — воскликнул изумленный Людовик. «Сир, — ответил Лианкур, — это не бунт, это революция». Падение Бастилии, тюрьмы, к этому времени практически опустевшей, но по-прежнему символизировавшей тиранию абсолютизма, стало моральной победой народа над ненавистным произволом властей, внушило надежду на скорое наступление царства «свободы, равенства и братства». Впрочем, в большинстве своем и народ, и образованные слои общества справедливым устройством полагали монархию во главе с просвещенным государем. И получается, что переворот, собственно и именуемый революцией, совершился месяцем ранее, а именно 17 июня. В тот день депутаты податного сословия, заседавшие в созванном королем собрании, именуемом Генеральные Штаты, наперекор королевской воле, провозгласили себя Национальным собранием, иначе говоря, высшим представительным и законодательным органом французского народа. Главной целью депутаты постановили выработку конституции, ограничивавшей власть монарха. То есть положили начало строительству конституционной монархии.

Король не намеревался идти на поводу у Собрания, но поход женщин на Версаль 5–6 октября вынудил его поделиться властью с народом, представленным в лице депутатов Национального собрания. Принятая Собранием «Декларация прав человека и гражданина», главный документ революции, превратил подданных Людовика XVI в свободных и равноправных

граждан, для которых «источником суверенной власти является нация». Однако главой государства по-прежнему оставался король, что и было закреплено в конституции, утвержденной в сентябре 1791 года.

Для установления Республики потребовалась новая революция, именуемая революцией 10 августа 1792 года, кровавые события которой ввергли страну в пучину гражданской войны. Мемуары современников, переживших революцию 10 августа, очень разные, но на чьей бы стороне ни выступал автор, все они пронизаны трагизмом происходивших событий.

Франсуа Арман Фредерик де Ларошфуко (р. в 1765), сын герцога де Ларошфуко-Лианкура, сообщившего Людовику XVI о падении Бастилии, принадлежал к старинному дому Ларошфуко, прославленному автором «Максимов». Он никогда не разделял носившихся в воздухе новых идей. Встретив революцию майором стрелкового полка, он оставил службу и уехал в Швейцарию, где в то время находилась его мать. В октябре 1790 он вернулся в Париж и, отказавшись от назначений на высокие военные должности, примкнул к тем дворянам, которые, вооружившись, явились в феврале 1791 в Тюильри, чтобы защищать короля. Вскоре прошел слух, что защитники короля составили заговор с целью похитить высочайшее семейство и по реке увезти в Руан. Чтобы оградить неудавшихся заговорщиков от преследований, король лично разоружил их и уговорил покинуть дворец. От санкюлотов они получили насмешливое прозвище «рыцарей кинжала». Однако некоторым рыцарям удалось остаться во дворце, некоторые вернулись спустя немного времени. Франсуа де Ларошфуко был среди тех придворных, которые находились подле короля весь последний год его царствования. 10 августа он в числе немногих избранных сопровождал Людовика XVI в Национальное собрание, где королю и его семье обещали защиту от гнева восставших. Депутаты сдержали разъяренную толпу, жаждавшую коронованных голов, но, подчиняясь требованию повстанческой Коммуны, приняли декрет о низложении короля и отдали приказ арестовать его вместе с семьей. Когда Ларошфуко понял, что более ничем не может помочь королю, он бежал в Англию. Во Францию он вернулся только в 1800 году; в 1827 он унаследовал после отца

титул герцога де Ларошфуко и кресло пэра Франции. Скончался в 1848 году.

Французская революция относится к тем событиям, которые имеют судьбоносное значение как для истории, так и для политики, а потому наиболее трудно поддаются объективным оценкам и исследованиям. В таких случаях свидетельства очевидцев являются особенно ценными, ибо позволяют увидеть события если не во всей, то в наиболее возможной их полноте. И хотя о событиях 10 августа рассказывали неоднократно, записки преданного монархии молодого аристократа о трех днях революции вряд ли окажутся бесполезными.

Елена МОРОЗОВА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ГЕРЦОГА
ДЕ ЛАРОШФУКО

Хотя обстановка, сложившаяся в начале августа в Париже, способствовала сильнейшему недовольству народа, а присутствие в городе марсельского батальона и ставшие достоянием публики замыслы части депутатов заставляли подозревать о готовящемся кровавом спектакле, никто не думал, что страшная катастрофа разразится столь скоро. Ни окружение короля, ни самые близкие к нему люди не могли предположить, что жизнь короля находится под угрозой.

Не имея даже смутного представления о приготовлениях к мятежу, мы каждое посягательство воспринимали как единичный случай. Мы давно привыкли к потокам брани и угроз, к оскорбительным выкрикам с улицы в адрес короля, которого подкупленные горлопаны презрительно называли Вето¹, Тираном или чудовищем из Тюильрийского зверинца. Когда в нас признавали преданных слуг короля, тех немногих, что остались ему верны, нас тоже тотчас начинали всячески поносить. Но после того как 20 июня мы убедились, что замыслы мятежников провалились, мы перестали бояться за свою жизнь и даже за жизнь короля и более не обращали внимания на оскорбления. Народ, потоком хлынувший в королевские апартаменты, шесть часов удерживал короля в осаде, подвергая его поношению, однако какие бы приказы ни отдавали мятежникам подстрекатели, никто не посмел покуситься на особу короля. Мы полагали, что еще не утраченное благоговение перед королевским величием и отсутствие фактов, доказывавших так называемые преступления короля, послужат защитой Его Величеству, и, несмотря на явившуюся вокруг нас стихию, мы продолжали хранить спокойствие. Те, кто был в свите, сопровождавшей короля в общественных местах, полагали своим долгом ограждать его нападений отдельных смутьянов. Но в основном никто не верил, что мятежники осмелятся открыто выступить против короля.

¹ Людовик XVI, которому конституция предоставляла право вето, воспользовался им, чтобы приостановить ряд принятых Собранием законов, за что получил в народе прозвище «Господин Вето».

Хотя последние декреты Собрания явно диктовались партийными интересами, клики, заседавшие в Собрании, были столь непримиримы, что Собрание даже не пыталось провести в жизнь хотя бы один закон взамен законов, принятых Собранием предыдущим, которые нынешние депутаты отменяли каждый день. Среди полнейшего хаоса, порожденного революцией, мы продолжали жить надеждой на возвращение прежнего порядка и ценили каждый прожитый день, с гордостью сознавая, что когда королю угрожали мятежом и народным бунтом, мы были рядом с ним.

9 АВГУСТА 1792 ГОДА

9 августа в театре я впервые услышал о том, что к Тюильри стягивается народ. Сначала я этому не поверил, ибо утром, когда я вместе с королем ходил к мессе, все было спокойно, и, как мне казалось, спокойствие должно было сохраниться, по крайней мере, до воскресенья; набат звучал в этот день. Тем не менее, я тотчас вскочил в кабриолет и помчался в Тюильри. До площади Пти-Карузель я доехал беспрепятственно. Но через ворота двора Марсан мне пройти не удалось, так как перед ними соорудили прочное деревянное заграждение.

За оградой и во дворце царило спокойствие; немногие гвардейцы, охранявшие дворец, бурно обсуждали последние политические новости; их настроение мне совершенно не понравилось. Мне сказали, что король находится у себя, а королева в покоях дофина. На улице Эшель и на большой площади Карузель повсюду толпился народ; но я уже привык к зрелищу народных толп, а потому не сумел предугадать трагические последствия этих скопищ. Группы были достаточно пестрыми, среди собравшихся часто мелькали женщины, подтверждая наши мысли о том, что если что-то и произойдет, то не самое дурное. Я вернулся в театр.

Однако неясная тревога не покидала меня; к вечеру она настолько возросла, что я не пошел ужинать, а вернулся в Тюильри, где уже больше месяца ночевал каждую ночь. Я зашел в комнату к маркизу де Турзель, тот также не был уверен, что пора бить тревогу. Мы сидели в ожидании, а около одиннадцати начали пить пунш. В это время пришел де Флерье, гувернер дофина, и принес марки-

зу записку от матери¹, ночевавшей в покоях наследника престола; маркиза писала, что есть веские основания опасаться, что сегодня ночью головорезы отважатся на штурм; в случае, если толпа прорвется во дворец, она советовала сыну воспользоваться внутренней лестницей, ведущей в покои королевы, и искать убежища в апартаментах Ее Величества. Следом приходили еще люди и также приносили нам тревожные вести; повсюду пронесся слух о низложении короля и о суде над ним. Предместья бурлили; нас уверяли, что улицы заполнены народом, что площадь Людовика Пятнадцатого и Елисейские Поля охраняются вооруженными парижанами, намеренными помешать королю, если тот захочет покинуть столицу; говорили, что многие секции подняты на ноги и скоро ударят в набат; что народ хочет посадить во дворе Тюильрийского дворца дерево свободы; наконец, нам объявили, что народ пришел в волнение, но причину волнения объяснить не смогли.

Мы знали, что был план увезти короля; осуществить его хотели министры и партия конституционалистов, прилагавшая для этого все возможные усилия. Мы также знали, что король и королева отказывались уезжать; но доколе они не будут внимать уговорам? Что если нависшая угроза и звуки набата помогут им решиться на отъезд? А что если народное возбуждение вызвано конституционалистами, чтобы в суматохе похитить короля и вывезти его из Парижа? Эти соображения показались настолько правдоподобными, что, узнав об отмене церемонии отхода короля ко сну (он впервые отменял ее, даже 20 июня все прошло, как заведено), уже через полчаса мы собрались, экипированные и готовые ехать, куда прикажут; многие даже привели верховых лошадей, оставив их в ветхих королевских конюшнях поблизости от площади Людовика XV. Мою оседланную лошадь всю ночь держали на берегу реки возле моста Людовика XVI.

Кто-то из приближенных короля заметил, что вот уже месяц, как после полуночи численность дворцовой охраны настолько уменьшалась, что короля, по сути, вообще не охраняли и любой негодяй без труда мог к нему проникнуть, так как национальные гвардейцы уходили к себе спать или отправлялись пьянствовать в соседние кабаки. Ночью вместо положенных караулов и восьми десятков гвардейцев, которые должны были приходиться каждый вечер в восемь

¹ Маркиза, затем герцогиня де Турзель (1749-1832) — гувернантка королевских детей.

в качестве подкрепления, во дворце насчитывалось самое большее пять десятков гвардейцев. Не видя смысла жаловаться на нехватку охраны, преданные королю люди восполняли ее регулярными ночными обходами, дабы убедиться, что все спокойно, и в случае необходимости быстро поднять тревогу. В этот вечер я лично совершал обход и был очень удивлен, заметив, что число людей, охранявших короля, резко увеличилось; пришло много приближенных короля, многие из состоявших прежде в конституционной гвардии, явились в платье простых буржуа; также собралось немало дворян. Сведения, которые мне удалось собрать, весьма рознились: одни говорили о готовящемся нападении на дворец, другие о небольших скоплениях людей, которые быстро рассеивались. Я поднялся в спальню к королю. Там толпилось много народу, однако одетыми согласно этикету были немногие; я сам был в простом фраке.

Выйдя из зала Совета, дабы узнать новости, король оказал мне честь, обратившись с вопросом ко мне. Короля сопровождала королева, со мной был мой кузен Шарль де Шабо. Мы ответили королевской чете, что пребываем в великом беспокойстве, но в точности ничего сказать не можем.

Постоянно прибывавшие осведомители из предместий Парижа приносили совершенно противоположные известия, хотя и ссылались на авторитетные мнения. Нас то заверяли, что гроза миновала, то убеждали, что народ угрожает королю и Тюильрийскому дворцу.

Тем временем людей в королевских апартаментах становилось все больше, и я с ужасом отмечал, что среди них мелькали сторонники самых разных клик, многие из которых очевидно явились следить за нами. Все общественные представители (пользуясь определением, употребляемым в Собрания) собрались в большой спальне: Карл, Генгерло, Манда, Бори, Леру, муниципальные чиновники, опоясанные трехцветными шарфами, один или два представителя Коммуны, офицеры-швейцарцы и офицеры национальной гвардии, несколько лиц всем известных дворянских фамилий. Остальные толпились в зале, предварявшим спальню (в своего рода салоне Бычий глаз¹); в обоих помещениях было не протолкнуться. Еще больше людей скопилось в апартаментах,

¹ Салон Бычий глаз в Версальском дворце, названный так по причине расположенного под потолком овального окна, являлся своего рода прихожей апартаментов короля.

соседних с королевскими, где проживали друзья короля. Казалось, все получили оповещение о надвигавшейся великой опасности, а потому каждый вооружился, чем мог: у одних были шпаги, у других охотничьи ножи; почти у всех были пистолеты. Хотя на мне и был надет фрак, на боку у меня висела шпага, а в карманах лежали два пистолета: вооруженные до зубов, мы выглядели достаточно карикатурно.

10 АВГУСТА 1792 ГОДА

Ближе к полуночи в королевские апартаменты с высоко поднятой головой вошел Петион¹; ни на кого не глядя, он прокладывал путь между собравшимися там людьми, отнюдь не собиравшимися расступаться при его появлении; однако я заметил, что он старался никого не задеть; за ним следовали трое или четверо представителей, опоясанных шарфами; после 4 августа, когда меня задержали, привели к нему, и мне пришлось отвечать на его вопросы, я больше его не видел, вплоть до сегодняшнего дня.

Петион направился в кабинет короля, а так как дверь осталась приоткрытой, я проскользнул следом. Я услышал, как он убеждал короля, что, несмотря на сильные волнения в предместьях, на скопления людей на городских улицах, он надеется, что, действуя осмотрительно, сумеет, в конце концов, восстановить порядок и успокоить народ и хотя бы до завтра удержит его от решительных действий. Король говорил с ним достаточно жестко, и после того, как тот не смог ответить, чего же хочет народ, король заявил, что наведение порядка входит в обязанности мэра, а посему он должен быть там, где присутствие его необходимо. Петион пообещал отдать приказ отвечать на силу силой и, проделав прежний путь, покинул дворец.

Несмотря на усталость, накопившуюся за прошлую неделю, когда я по ночам дежурил в королевской спальне, а днем меня дважды задерживали на улице, причем один раз мне пришлось под конвоем национальных гвардейцев пройти весь Париж, этой ночью я также остался во дворце. В столь тревожное время стремление послужить королю заставляло нас забывать о себе.

¹ Мэр Парижа.

Время от времени я выходил из королевских апартаментов и отправлялся на поиски Шарля де Шабо, который, по обыкновению, оставался на улице, чтобы подробно узнавать обо всем, что происходит; мы обменялись новостями. Всегда, когда речь заходила об интересах короля, этот злополучный молодой человек, растерзанный 2 сентября во время бойни в тюрьме Аббатства, проявлял отчаянную храбрость и необычайную энергию. Имея несчастье в начале революции оказаться под подозрением из-за своих связей, он в искупление своей оплошности постоянно подвергал себя опасности. А так как характер он имел открытый и пылкий, то в Париже хорошо знали, что раньше он служил адъютантом Лафайета, а затем в конституционной гвардии короля, так что врагов у него было множество. Вот уже месяц, как он делил со мной жилище в Тюильри, и мы с ним, полностью доверяя друг другу, обсуждали все, что удавалось нам узнать.

Около двух часов явился национальный гвардеец и передал господину Манда, сидевшему вместе со мной на балюстраде большой спальни, приказ явиться в ратушу. Я увидел, как Манда тотчас стал белым словно мел. И громко сказал: «Я больше не вернусь». Он ушел... Увы, он сразу понял, какая участь его ожидала!¹

Его уход встревожил многих, ибо наши войска, собранные во дворце, оказались без командующего; державшийся в тени камина Редерер² выступил вперед и сказал: «Господа, сохраняйте спокойствие, у меня приказ господина Петиона отвечать силой на силу; если господин Манда не вернется, я сам как член Парижской Коммуны потребую от войск, чтобы они защищали вверенный им дворец». Я собственными ушами слышал эти слова, сказанные, как мне показалось, от чистого сердца и с благими намерениями; поэтому я крайне удивился, когда, прибыв спустя неделю в Лондон, прочел его так называемое оправдание, свидетельствовавшее о его гнусном лицемерии.

Набат зазвучал, когда время подходило к трем. Людей в апартаментах короля постоянно прибывало; сидели всюду: на креслах, на полу, на столах, на консолях, везде, где можно было на что-то опереться, хотя несколько младших слугителей королевского

¹ В то утро Манда, командовавший Национальной гвардией Парижа и отвечавший за оборону Тюильри, был убит по пути в ратушу.

² Прокурор Парижа.

дома поначалу возражали, ибо согласно этикету сидеть в спальне короля не дозволялось: всегда найдется немало людей, чей косный ум не меняется никогда.

К шести часам утра, король, обойдя дворец, вернулся к себе в апартаменты, намереваясь затем спуститься во двор; так как сопровождать его вызвалось слишком много желающих, многим пришлось остаться, но мне удалось присоединиться к его малочисленной свите. Вид у короля был тревожный и измученный, однако он изо всех сил старался выглядеть бодро; мы проследовали во двор, и, хотя я шел непосредственно за королем, я не услышал, чтобы он сказал солдатам хотя бы несколько слов. Национальные гвардейцы неоднократно приветствовали короля здравицей «Да здравствует король!» и, кажется, даже от чистого сердца. Этот отряд национальной гвардии слыл преданным королю, в рядах его было немало людей, добровольно пришедших во дворец, дабы защищать его. Я обрадовался, увидев среди них своего близкого друга Лазовского и его брата. Однако было и те, кто, сознавая свою безнаказанность, кричал: «Долой Вето!»

Спустившись с дворцовой террасы, выходящей в сад, король направился проверить часовых, размещенных возле второй лестницы на террасу, что протянулась вдоль реки; по дороге свита его изрядно увеличилась за счет присоединившихся гренадеров из батальонов секций Пти-Пер и Сен-Тома. Завидев короля, солдаты, охранявшие лестницу, стали кричать: «Да здравствует Нация! Долой Вето!» — и вообще вели себя необычайно дерзко. Король не стал там останавливаться. На подступах к Поворотному мосту мы увидели, как толпа грязных оборванцев, рассыпавшись по террасе Фельянов и громко именуя ее владением Свободы, потрясая пиками, выкрикивала возмутительные ругательства в адрес короля.

У Поворотного моста король провел смотр караула и повернул обратно. При возвращении во дворец нам довелось пережить ужасные минуты: несколько санюлотов, из тех, что заняли террасу, сбежали вниз и двинулись нам навстречу. Тогда свита, сцепив скрещенные руки, окружила короля двойным кольцом; одно кольцо образовали национальные гвардейцы, о которых мы знали, что они честны и храбры, второе — де Сент-Круа, де Лажар, офицеры-швейцарцы де Майардоз и Бахман, де Буасье, де Бриж

и еще кто-то, кого я не запомнил; в ту минуту никто не вспоминал ни о рангах, ни о титулах. Я тоже оказался в этой цепочке. Рядом со мной шагал господин де Мену. Король двигался в окружении офицеров национальной гвардии; впереди шел господин де Пуа; разговаривая по дороге с офицерами, король чаще всего обращался к господину де Генгерло.

Наш путь во дворец напоминал отступление, опасность подстерегала нас повсюду, так что один из гренадеров даже сказал королю: «Сир, хорошо бы поторопиться. Вам надобно как можно скорее вернуться во дворец». Обернувшись, король холодно ответил ему: «Странно, что такому bravому гренадеру страшно, в то время как я совершенно спокоен». Приблизившись к дворцу, мы увидели, что возле ограды толпится народ; вид у многих был зверский. Господин де Мену пошел вперед расчищать нам путь; он приказал дежурившему у ворот швейцарцу открыть лишь одну половинку ворот и, когда пройдет король со свитой, тотчас ее закрыть. Приказ был исполнен, но нескольким злоумышленникам все же удалось проникнуть за ограду вместе с королевской свитой.

Король снова поднялся к себе в апартаменты.

Желая узнать свежие новости о скоплениях народа, я пошел искать Шарля де Шабо, но его нигде не было; потом мне сказали, что его видели в дальнем крыле дворца. Меня предупредили, что к дворцу приближается колонна головорезов, вооруженных пиками; во главе колонны идут марсельцы¹. Чтобы убедиться самому, я выскочил во двор и, оставив шпагу в кордегардии офицеров швейцарского полка, вышел на улицу; прячась за лошадьми конной жандармерии, выстроившейся в боевом порядке на площади Карузель, подобрался к калитке и пошел к набережной, где еще не было ни души. Но вскоре я завидел колонну, мерным шагом двигавшуюся вдоль набережной Эколь; строй был очень плотный. Я вернулся, забрал шпагу и сообщил о том, что видел.

Поднимаясь в королевские апартаменты, я увидел выстроившихся на большой лестнице швейцарцев во главе с офицерами; в прихожих в относительном порядке строились национальные гвардейцы; в салоне перед большой королевской спальней в три ряда стояли по-всякому вооруженные дворяне, собравшиеся до последнего защищать короля и умереть у его ног. Несмотря

¹ Батальон марсельских волонтеров, который принес с собой «Марсельезу».

на отчаянное положение, я чувствовал, что готов присоединиться к этому войску. Неужели наша отвага не превозможет численность противника?

В ту минуту я не знал, ни кто нами командовал, ни какому приказу об обороне мы следовали. Устыдившись, что я еще стою в стороне, я занял место в шеренге, что была ближе всего ко мне. Половину нашего маленького отряда, где находился и я, отправили в галерею, отделявшую апартаменты короля от апартаментов королевы. Когда мы шли мимо зала Совета, на пороге показались король и королева.

Нас выстроили в галерее, спиной к стене и лицом к окнам, чтобы мы могли видеть улицу. Прибывшее вскоре подразделение Национальной гвардии построилось вдоль окон, сохранив проход между своей шеренгой и нашей, а гвардейцы заверили нас, что считают нас своими товарищами и готовы нас защищать.

Мы единодушно отвечали, что каждый из нас всегда сожалел, когда Национальная гвардия выражала нам свое недоверие, ибо у нас никогда не было иных намерений, кроме как защищать жизнь короля, и мы с удовольствием присоединимся ко всем честным французам, которые разделяют нашу любовь к королю; мы обнялись как товарищи.

Немного времени спустя в зале Совета раздались голоса короля и королевы, однако расслышать, о чем они говорили, мне не удалось; но когда нас донеслось: «Да здравствует король!» — мы все, как один, потрясая оружием, повторили здравицу. Национальные гвардейцы зарядили ружья. Нам был отдан приказ вступать в бой с негодями только в том случае, если они проникнут к нам в галерею.

Наш вооруженный отряд дворян разбили на подразделения, по пятнадцать человек в каждом; командовать подразделениями поручили старшим офицерам, так я оказался под командой ше-валье д'Аллонвиля, бывшего воспитателя первого дофина; пять подразделений оставили на месте, а три отправили наверх. Господин д'Эрвийи, постоянно курсировавший между кабинетом короля и нашим расположением, доставлял нам приказы.

Не прошло и пяти минут, как национальные гвардейцы повернулись к нам спиной и устремили взоры в окна, где за ограждавшей двор стеной я увидел внезапно выросший лес пик. Судя

по изменившимся лицам гвардейцев, прибывшая колонна вооруженных пиками санкюлотов внушала им серьезные опасения. Обескураженный упадком духа, охватившим гвардейцев, я решил отправиться к королю просить приказ закрыть нижние ставни; света из верхней части окон нам вполне хватит. Войдя в зал Совета (все двери королевских апартаментов были распахнуты настежь), я увидел Шарля де Шабо; он шепнул мне: «Все пропало, нас убьют».

Я увидел, что король, королева и члены королевской семьи, окружив рабочий стол, слушают Редерера, убеждавшего их отправиться в Собрание. Вокруг толпились дамы свиты и горничные; король вместе с семьей уже дал согласие покинуть дворец, но я понял, что они полагают скоро вернуться, ибо отчетливо слышал, как королева на вопрос горничных, что им теперь делать, ответила: «Оставайтесь, мы вернемся за вами».

В те минуты кто-то сказал мне, что король, узнав, что его хотят заставить отречься, заявил, что добровольно он не отречется, но если Собрание издаст такой декрет, он подпишет его; поэтому теперь он намерен пойти в Собрание и лично расспросить уполномоченных депутатов. О таком повороте событий я узнал в зале Совета.

Около половины девятого король с тяжелым сердцем покинул свои апартаменты; многие поторапливали его, намереваясь выйти вместе с ним, дабы сопровождать его. Тут кто-то громко объявил, что сопровождать короля могут только министры, члены кабинета и муниципальные чиновники. Но несмотря на это заявление, я решил последовать за королем; пробравшись в самую середину королевского кортежа, я схватил под руки господина Гуа и национального гвардейца, с которым приятельствовал, и они повлекли меня за собой. Впрочем, далеко не все стремились последовать за королем. Многие, напротив, опасаясь возбудить против себя гнев народа и Собрания, нисколько не испытывали желания сопровождать Его Величество; эти люди советовали и мне остаться с ними.

Но жребий был брошен, я был слишком возбужден, чтобы слушать чьи-либо доводы, и только лицезрение короля, живого и невредимого, могло вернуть мне душевное спокойствие. Пройдя через часовню, мы спустились по большой лестнице, прош-

ли сквозь выстроившийся в два ряда полк швейцарцев и сквозь решетчатую калитку вышли в сад. Там, перестав тесниться, мы смогли оглядеться, дабы понять, кто идет с нами.

Впереди, сопровождаемый с обеих сторон своими солдатами, шел майор швейцарской гвардии Бахман. Следом, на небольшом расстоянии от него и непосредственно перед королем, шел господин де Пуа. Прямо за королем шла королева, держа за руку дофина. Мадам Елизавета¹ шла под руку с Мадемуазель, дочерью короля. За ними следовали принцесса де Ламбаль и мадам де Турзель в сопровождении министров, членов кабинета и муниципалитета, а также доверенных лиц короля: господ де Монморена, де Брезе, д'Эрвийи, де Турзеля, де Нантуйе, де Флерио, де Рошдрагона; мы с Шарлем де Шабо шли вместе с ними. Когда мы проходили по саду, я оказался рядом с мадам де Ламбаль; она была удручена и испугана, я предложил ей руку, и она приняла ее.

Несмотря на страдальческое выражение лица, король шел уверенно, высоко подняв голову; королева постоянно вытирала слезы, стараясь принять беспечный вид, но через несколько минут вновь принималась плакать. На мгновение она оперлась на мою руку, и я почувствовал, как она вся дрожит. Дофин не выглядел испуганным. Самой невозмутимой и готовой ко всему была Мадам Елизавета. Она находила утешение в религии. Завидев рассвирепелую толпу, она сказала: «У них помутился разум, не наказать бы я хотела их, а обратиться к вере». Не удержавшись, я ответил, что, не обладая ее добродетелью, я больше всего желаю именно отомстить им.

Дочь короля всю дорогу плакала. Мадам де Ламбаль сказала мне: « Мы никогда не вернемся во дворец». Ужасное предчувствие!

Сопровождавший короля отряд швейцарцев насчитывал двести человек; три сотни гренадеров национальной гвардии двумя плотными рядами преграждали доступ.

Народ, мерзавцы, именующие себя санкюлотами, рассыпались по террасе Фельянов; увидев, что король вышел из Тюильри, они помчались к лестнице прохода Фельянов: их было так много, что мы даже не надеялись пройти сквозь них. Когда возле лестницы король остановился, из толпы, что преграждала ему путь, самые

¹ Младшая сестра Людовика XVI.

рьяные принялись осыпать его оскорблениями; те, кто остался на террасе, сверху грозили ему пиками. Мне стало страшно: в любую минуту его могли растерзать прямо у меня на глазах и на глазах у его семьи.

Минут десять мы стояли, не зная, что предпринять; в конце концов, Редерер и еще один человек вступили в переговоры и убедили их пропустить короля и его семью в Собрание. Король приказал сопровождающим ожидать его у подножия лестницы.

Но так как я одной рукой поддерживал мадам де Ламбаль, а другую протянул мадам Елизавете, дабы помочь ей подняться по лестнице, я проследовал за королевой. Пока мы с трудом пробирались сквозь царившую на террасе давку, ибо никто не хотел уступать нам дорогу, на нас со всех сторон сыпались оскорбления. Продолжая идти следом за королем и королевой, я ввел мадам Елизавету и мадам де Ламбаль в зал Собрания, где они проследовали к барьеру и сели там на скамью; затем я услышал, как король решительным голосом заявил, что он вместе с семьей пришел в Собрание, чтобы спасти французов от совершения еще одного непоправимого преступления.

В Собрании я оказался рядом с Флерио и Рошдрагоном, они оба также сумели проследовать за королевской семьей. Мы устроились на нижней скамье возле двери, у подножия знаменитой горы. В руке я все еще держал шпагу, однако клинок находился в ножнах. Стоило нам сесть, как со всех сторон нас принялись оскорблять, называя охвостьем гражданского листа, продажными наймитами и иными непотребными словами. Особенно изощрялся толстый депутат Лакруа. Опасаясь вызвать еще большее негодование против короля, мы быстро удалились в коридор, устроенный в галерее вокруг всего здания и имевший несколько выходов в зал Собрания.

В коридоре толпились гренадеры Национальной гвардии, те, кто проводил короля в Собрание. Составив ружья в козлы, они оставили их в комнатке под трибунами, где хранили дрова для растопки печей, а сами бесцельно бродили по коридору. От них мы узнали, что народ разогнал отряд швейцарцев, сопровождавший короля и что швейцарские гвардейцы, а вместе с ними и многие дворяне отступили в сторону прохода Оранжереи.

Тут я увидел, как вошла женщина, вся окровавленная, и сказала нам, что у нее только что убили мужа, владельца трактира,

потому что он обслуживал аристократов. Еще она сообщила, что на Вандомской площади сложены восемь голов тех, кого посчитали переодетыми аристократами; среди них она узнала голову несчастного Сюло¹. «Однако жаркий предстоит день!» — тихо прошептали мы друг другу.

Незадолго до десяти часов со стороны сада и дворца Тюильри донеслась ружейная пальба, а затем заговорили пушки. Стреляли беспорядочно. Вскоре мы узнали, что народ штурмом взял дворец и теперь разоряет его. После такой новости я решил выяснить, где сейчас король; вытянув шею, я приподнял голову над барьером и позади председателя, в ложе писца, увидел короля, а рядом с ним королеву. Я попытался пройти к ним, однако со всех сторон ложу окружали гвардейцы и люди с пиками, не позволявшие никому приближаться. Я вернулся в коридор, окружавший Собрание.

В это время в зал ворвалась потная толпа в окровавленных рубахах. Они принесли в дар собранию то, что успели награбить во дворце. Держа в обагренных кровью руках мокрые от крови мундиры швейцарской гвардии, они рассказывали, как убивали и истребляли швейцарцев. Некоторые из них, приняв меня за доброго патриота, стали хвастаться мне своими подвигами; они сказали, что перебили всех сторонников короля, всех аристократов, оборонявших дворец. Я понимал, что ради собственной безопасности должен сдерживать свои чувства, но во мне все кипело, и я прилагал невероятные усилия, чтобы скрыть охватившие меня отвращение, гнев и жажду мести.

В конце концов ненависть к окружавшим меня головорезам дошла до такой степени, что мне захотелось убить себя, лишь бы избавиться от них (желание, которое, разумеется, никак нельзя было назвать разумным); я никогда не испытывал подобного чувства, даже не предполагал, что оно может во мне пробудиться. Тем не менее, в ту минуту я, действительно, хотел покончить с собой, но, желая принести пользу своей смертью, я направился к двери, выходящей в проход Фельянов, ведущий в сад Тюильри. Возле двери стоял часовой, задача которого, как мне показалось, заключалась в том, чтобы не дать толпе ворваться в Собрание.

Через дверь я увидел, как на ступенях сбегавшей в сад лестницы упал человек; это был старик, одетый в черное, лицо его заливала

¹ Журналист, сторонник монархии.

кровь. Один из убийц, стоя на террасе, колол его сверху пикой. Вокруг бесновалась толпа; старик попытался подняться, но не сумел и потерял сознание; я бросился к нему, подхватил его под руки и потащил в проход. Ударом шпаги мне удалось ранить убийцу, а шпагу я немедленно выбросил, чтобы меня по ней не узнали. Старик оказался виконтом де Майе, недавно назначенным губернатором Сан-Доминго. Я притащил его в коридор Собрания; какой-то национальный гвардеец принес мне воды, и я промыл старику раны: их оказалось три на голове, и небольшая царапина на боку. Перевязав виконта своим носовым платком, я отыскал депутата, выражение лица которого свидетельствовало о том, что он не одобряет совершаемых сегодня преступлений, и во имя человеколюбия попросил его доставить раненого домой, к семье; он согласился, и мы обменялись рукопожатиями. Я доверился ему, ибо у меня не было иного выхода, и оказался прав; депутат сам отвел виконта в безопасное место; об этом я узнал вечером, когда пошел отнести семье виконта его галстук и кошелек для волос, запятнанные кровью.

Гренадеры Национальной гвардии, доставившие короля в Собрание, и гренадеры из батальона секций Сен-Тома и Пти-Пер, которых мы считали надежными и преданными королю, проголодавшись, начали проявлять нетерпение. С беспокойством прислушиваясь к доносившимся до нас выстрелам и грохоту канонады, они, похоже, не намеревались и дальше поддерживать короля. Наконец, я увидел, как они уходят. О, позор! О, ужас! Неужели в этом брэнном мире самому слабому всегда уготовано одиночество? В то время как увенчавшееся успехом преступление находит себе множество сторонников! Взяв забытый убийцами мундир одного из швейцарцев, гренадеры разодрали его на клочки, дабы каждый мог нацепить на кончик штыка кусочек красного сукна: они боялись, что их примут за сторонников аристократов. Разделившись на небольшие группы, гренадеры ушли, бросив короля на произвол санкюлотов с пиками, национальных волонтеров, устрашающего вида головорезов с небритыми лицами, иначе говоря, на всех тех негодяев, которых породили революция и анархия, тех, кто диким видом своим и кровожадностью уподобился хищным зверям.

Прошло меньше трех часов, а в Париже уже трудно было найти хотя бы одного национального гвардейца в форме. Страх стать

жертвой партии, взявшей верх, заставил их всех сбросить приметные мундиры. Многих застали врасплох, когда они срывали с себя форменные куртки и штаны до колен. Как же силен был страх, и какую ужасную роль сыграл он в нашей несчастной революции!

Я почувствовал, что смертельно устал и умираю от голода. Найти что-нибудь поесть мне не удалось, да и отвращение, возникшее к тому, что мне довелось увидеть, притупляло ноющую боль в желудке. Я решил сесть на скамью где-нибудь в уголке Собрания, поразмыслить над событиями, свидетелем которых я стал, и решить, что делать дальше. Сначала я сел рядом с господами д'Аттии и де ...*; они были в синих фраках, необычайно напоминавших мундиры; увидев меня, они настолько растерялись, что немедленно отсели в другое место, а их место занял Лазовский, участь которого меня не могла не волновать. Нетрудно догадаться, как я был рад такому соседству, ибо во времена великих потрясений мы любим своих друзей во сто крат больше, нежели во время мира.

Но я не мог остаться на этом месте, ибо вблизи посадили ... (*лакуна в тексте. — Е.М.*), и эти люди, без чулок, без башмаков и без курток безнаказанно оскорбляли всех, кто был одет лучше, чем они. Я пересел поближе к ложе газеты *Moniteur*.

Со своего места я слышал, как зачитали постановление о низложении короля; затем на короля обрушили потоки лжи, дабы убедить народ, что король повинен в самых ужасных изменах. Многие из того, что говорилось, звучало непомерно оскорбительно, но члены Собрания восторженно слушали и с энтузиазмом аплодировали. Я слышал, как Собрание провозгласило Республику, и каждый депутат поклялся блюсти принципы Равенства и Свободы, используя для этого доверенную ему власть, а если потребуется, погибнуть, защищая эти принципы. Согласно принятому постановлению, каждому должностному лицу вменялось в обязанность принести такую клятву; конституционная присяга Нации, Закону и Королю отменялась.

Устроившись не без удобства в своем углу, я погрузился в невеселые размышления. Если события приняли столь трагический оборот, рассуждал я, если республиканцы торжествуют, значит, партия короля и Конституции потерпела поражение: республи-

канцы обрели непомерную силу и готовы на самые жестокие меры, а судя по той трусости, которой всегда отличались французы, через пару дней в стране останется только одна партия: вся Франция присягнет Республике. Выразить свое несогласие посмеют только французы, находящиеся за пределами королевства, иначе говоря, эмигранты.

Низложенного короля заточат в темницу и не допустят к нему никого из преданных ему людей. Да и что они могут сделать, когда последние три месяца у них все силы уходили лишь на то, чтобы сохранить собственную жизнь? Возможно, их присутствие даже навредит королю, ибо коварные и ловкие мятежники не преминут обвинить их во всех тяжких, в любых попытках, которые, возможно, предпримут свергнутые партии, чтобы избавиться от гнета победителей.

Те, кто, отбросив страх, сумел бы обмануть тюремных охранников и проникнуть к королю, вряд ли смог бы ему помочь; значит, надо, смиряя ярость сердца, бежать, оставив короля в окружении убийц, чтобы присоединиться к тем, кто с оружием в руках намеревался освободить его. Но кто они, эти люди? Сегодня это лишь одна партия — партия эмигрантов; существуя уже два года, она более или менее сформировалась, однако еще никак себя не проявила; ни одна держава открыто ее не поддержала; всего несколько месяцев назад она стала создавать свою армию, но что это за армия, как она организована? Заправляют в этой партии принцы братья короля, которые, покинув Францию, поведением своим не сумели завоевать к себе ни любви, ни уважения. Что же делать? Должен ли я присоединиться к ним?

Положение короля и дофина отчаянное, их стерегут вооруженные убийцы, не ведающие ни жалости, ни сострадания, жизнь их становится игрушкой случая, предугадать который невозможно. Увы, приходится признать, что никто из роялистов, готовых послужить опорой трона, вряд ли может принимать их в расчет. Короля вычеркнули из жизни, равно как и дофина... Какое счастье, если мои рассуждения ошибочны! Получается, что нам придется присягать на верность Месье¹. И собираться под его знаменами.

С самого начала революции я старался ни во что не вмешиваться и сторонился любых обществ. Удостоверившись в безудержной

¹ Граф Прованский, брат Людовика XVI, позднее Людовик XVIII.

коррупции и грубой лести, с помощью которых клики соблазняли и завоевывали популярность у всех слоев населения, в 1790 году я, несмотря на завидную должность, оставил военную службу. Однако, имея множество родственников, игравших выдающуюся роль в партии революции, я предпочитал скрывать свои взгляды и только в беседах с друзьями говорил то, что думал. Напрасно меня уговаривали изменить свои воззрения; в общественных местах я по-прежнему предпочитал молчать, ибо мои слова могли стать приговором для моих родных, а потому я старался жить как можно незаметнее.

Поэтому я не делал никаких шагов, чтобы присоединиться к принцам или к эмигрантам.

Единственная партия, к которой в то время я хотел примкнуть, была партия короля. К несчастью, многим преданным слугам пришлось покинуть Его Величество, и его одиночество не могло оставить меня равнодушным. В период подготовки короля к путешествию в Варенн¹ я особенно сблизился с ним и постарался убедить его в своей преданности; мне показалось, что он не остался равнодушным к моему стремлению быть ему полезным, ибо несколько раз господин де Лапорт² от его имени говорил мне любезности. Король не раз давал мне понять, что место подле его персоны при дворе, который он намеревался в скором времени сформировать, мне обеспечено.

Таким образом, при моем образе мыслей мне подходила только партия короля; но эта партия ничего собой не представляла, а после принятия конституции и вовсе пребывала в растерянности, ибо мы постоянно колебались, не зная, на что можно рассчитывать. Действия короля шли вразрез с нашими взглядами. Поступал ли он противоречиво под давлением своих врагов, превосходивших его силой, из страха или добровольно? Мы не дерзали вдаваться в объяснения, даже в своем кругу. И хотя нам пришлось согласиться с тем, что короля на людях стало сопровождать значительно меньше наших дворян, мы делали все, дабы оградить его от опасности, и, в случае покушения на его жизнь, были готовы закрыть его собственными телами словно

¹ Речь идет о неудавшейся попытке короля и его семьи бежать из революционного Парижа, именуемой обычно «бегством в Варенн» (20-21 июня 1791 г.)

² Арно де Лапорт, интендант гражданского листа короля. Казнен 23 августа 1792.

щитом. Мы не могли понять причину сокращения численности королевской свиты, ибо положение короля, обстановка в королевстве и наше собственное положение с каждым днем становились все хуже и хуже; но, в конце концов, у меня не было выбора, и мои взгляды предписывали мне занять место среди защитников короля.

Тем временем мои обстоятельства изменились. Мой брат¹, согласившийся стать подполковником в армии Лафайета, недавно изъявил желание содействовать давнему плану освобождения короля из рук этого кошмарного Собрания и возвращения его на трон как конституционного монарха: таким образом короля хотели связать с другой партией, которая обходилась бы с ним неизмеримо лучше и с большим почтением и сделала бы его жизнь менее несчастной. Мой брат совсем недавно оставил службу; хотя в полку он удостоился многочисленных похвал и заслужил уважение сослуживцев, тем не менее он все равно подал в отставку, понимая, что положение вещей таково, что нельзя более нести службу, не опозорив себя.

Хорошо зная своих родственников, я не сомневался в их порядочности. Я был убежден, что злосчастная завеса, препятствовавшая им увидеть пропасть, куда их вели, наконец, спадет, и они поймут, в какие руки они помогли отдать штурвал общественного корабля, оставаясь в полной уверенности, что они сделали это, чтобы заделать пробоины в его корпусе. Меня всегда бесила их слепота; тем не менее, я мог с уверенностью сказать, что они не смиряются с игом республиканцев.

Поэтому, решив отправиться в эмиграцию, я оказывался непосредственно на стороне их врагов; впрочем, подобное желание охватывало меня уже с десятков раз, но я ни разу не уступил ему.

Если бы я остался в Париже, мне бы пришлось скрываться, что, по-моему, стыдно, особенно когда знаешь, что можешь принести пользу. Даже партии конституционалистов грозила опасность; естественно предположить, что мятежники без труда отыщут своих врагов и наверняка захотят уничтожить их, чтобы Францию невозможно было повернуть вспять, к прежнему порядку вещей. Однако у меня слишком вспыльчивый характер, и я не смогу долго сдерживаться, даже ради самосохранения. Я уже представлял

¹ Александр де Ларошфуко, 1767-1841, дипломат, пэр Франции.

себя в сыром подвале, куда меня бросили за гневные речи против бандитов и убийц.

Все многочисленные законы против эмигрантов, изданные теперешним Собранием вкупе с прежним, нельзя было применить ко мне, ибо у меня не было иных средств, кроме той суммы, которую мне выплачивали мои родители и которую они будут мне посылать, где бы я ни находился. Единственно, следовало обдумать, как сделать так, чтобы мой отъезд не навредил им, не нарушил их покой и чтобы не заподозрили, что я с ними в сговоре. Если я присоединюсь к принцам, для моих родных и друзей это может плохо кончиться, ибо из-за меня власти могут начать преследовать их, тех, кто остался здесь. Эта мысль чрезвычайно меня беспокоила. Впрочем, разве мои родственники спрашивали у меня совета, на сторону какой партии им становиться? Разве противостояние партий не разделило едва ли не каждую семью? Но настало время, чтобы те, кто выступает на стороне правды и справедливости, употребили бы все способы, чтобы правда и справедливость победили.

Стоило мне только вспомнить о прошлых событиях нашей революции, о людях, все это время возглавлявших ее, о тех продажных личностях, снискавших дурную славу и замеченных в бесчестных поступках еще до начала смутного времени, об обладателях непомерного честолюбия и желания сделать состояние на беспорядках, как меня охватывала ярость. И я твердо решил покинуть Париж, чтобы поскорее присоединиться к эмиграции. Затем, несколько успокоившись, я стал обдумывать, как наилучшим образом послужить делу монархии и своих друзей.

В тот миг, когда приходится принимать решение, которому предстоит повлиять на всю твою последующую жизнь, испытываешь крайне противоречивые чувства. Чтобы сделать правильный выбор, одной честности мало, приходится призывать на помощь всю свою осведомленность и не давать воли страстям.

Так как я всегда отрицательно относился к отъезду из страны, я с облегчением вспомнил, что, возможно, Руан, славящийся здравомыслием своих жителей и их верностью королю, мог стать очагом сопротивления анархическим проектам республиканцев, а мой отец, чей полк как раз стоял в Нормандии, был бы рад моему приезду. Я точно знал, что, не получив сегодня от меня ве-

стей, он очень беспокоится за меня. Но парижские заставы закрыли, кареты включая почтовые, из города не выпускают. Мне очень хотелось поехать к нему, чтобы лично убедить его в том, что у меня все в порядке.

Те несколько часов, что я сидел на скамье в темном углу Национального Собрания, неподалеку от ложи писца, куда поместили короля, мне в голову упорно лезли разрозненные мысли, будоража мое воображение.

Отовсюду доносились страшные проклятия против короля, мешая мне сосредоточиться на собственных мыслях; горлопаны, позабыв про стыд, жаждали немедленных похвал Собрания; они торжественно вздымали изуродованные клочья плоти швейцарцев, пропитанные кровью обрывки их мундиров, обломки мебели и испорченные картины, захваченные в качестве добычи в Тюильри; шествие сопровождалось страшным шумом.

Примерно в семь вечера я потихоньку подошел к ложе, где сидел король. Ее охраняли несколько пьяных негодяев, не обративших на меня никакого внимания, так что мне даже удалось приоткрыть дверь ложи. Передо мной предстало печальное зрелище: король, понурый, с усталым лицом, сидел возле барьера и бесстрастно взирал через зрительную трубу на горлопанов, кричавших то по очереди, то все разом. Рядом с королем сидела королева; косынка ее и носовой платок промокли от слез и пота; дофин спал на коленях у королевы, голова его покоилась на коленях мадам де Турзель. Принцесса Елизавета, мадам де Ламбаль и Мадам Руаяль сидели в глубине ложи. Желая хоть как-то облегчить положение короля, я предложил ему свои услуги, но он отказался, напомнив, что, разговаривая с ним, я каждую минуту подвергаю себя опасности. Еще он сказал, что сегодня он будет ночевать в Люксембургском дворце¹. Королева попросила у меня носовой платок; платка у меня не было, так как я перевязал им виконта де Майе, которого вырвал из рук вооруженных пиками головорезов. Я отправился искать носовой платок. Позаимствовав платок у хозяина буфета, я пошел обратно, но пока я ходил за платком, сменились часовые, и к ложе меня не подпустили.

¹ Собрание хотело предоставить низложенному королю Люксембургский дворец, но санюлоты потребовали, чтобы Людовика со всей семьей заключили в тюрьму Тампль.

Меня даже попытались арестовать и отвести в Коммуну, иначе говоря, на верную смерть. Но проходивший мимо национальный гвардеец сказал, что знает меня, и сказал, где я живу, хотя и не смог назвать моего имени; он оказался одним из тех гвардейцев, которые задерживали меня на этой неделе. Пока караульные разбирались, мне удалось улизнуть; пробежав по темным коридорам Собрания, я нашел убежище в буфете и тотчас послал тамошнего мальчишку-слугу на поиски платья, в которое я мог бы переодеться.

Прежде чем покинуть стены Собрания, я решил отыскать моего кузена Шарля де Шабо; зная необузданную натуру этого молодого человека, я опасался, как бы он по неосторожности не совершил какой-нибудь непоправимый поступок. Увы, я словно предвидел его участь. Я нашел его в Собрании — он подменял часового, который отправился обедать. В тот день я видел своего несчастного друга в последний раз. Разделив с Шарлем хлеб и воду со смородиновым сиропом, я заметил, что он с трудом сдерживает гнев, и стал уговаривать его быть осторожным; в ответ он сказал мне, что если мимо пройдет Кондорсе, он плюнет ему в лицо. «Дорогой Шарль, — сказал я ему, — у тебя есть родители, которые любят тебя больше, чем ты того заслуживаешь; подумай о них и сохрани себя, чтобы не причинять им горя». Он пообещал, и мы расстались с ним — как оказалось, навсегда.

Благодаря найденным для меня отряпьям, я беспрепятственно добрался до предместья Сен-Жермен: я хотел узнать, что стало с нашими друзьями, ибо все время, пока продолжалась стрельба и канонада, я находился в стенах Собрания и терзался догадками об их участи. Каждый раз, стучась в очередную дверь, я вздрагивал, готовый услышать весть о гибели хозяина дома. Однако меня заверили, что ярость народа обрушилась только на швейцарцев, а все остальные защитники дворца успели уйти и скрыться; из них погибли только двое или трое. Я побывал у герцогини де Майе, которая, к счастью, в то утро не смогла попасть во дворец. Она сообщила мне, что виконта де Майе привели домой, а принцесса Тарентская и мадемуазель де Турзель вопреки слухам остались живы.

Но, увы, какое жуткое зрелище являли собой улицы вечером того страшного дня! Видимо, для того, чтобы заполнившие их ди-

кари могли насладиться своей кровавой победой, они были освещены особенно ярко. Улицы, прилегавшие к площади Карузель, были забиты телами мертвецов, раненых и свалившихся возле них пьяных. Строения, окружавшие Тюильри, сгорели. Во дворе пламя пожирало вышвырнутую из окон дворца мебель и тела марсельцев, павших от первого залпа швейцарцев. По улицам бесцельно бродили люди со зверскими лицами. Воспоминание о парижских улицах, какими они предстали передо мной в тот вечер, преследовало меня всю жизнь.

Перейдя площадь Карузель, я вошел в сад Тюильри и направился к зданию Собрания. Несколько человек звериного вида с ружьями в руках обшаривали засаженные деревьями уголки сада в поисках швейцарцев и аристократов. Неподалеку прозвучало несколько выстрелов, однако никого не убили; за себя я не боялся, ибо одежда, которую раздобыл мне мальчишка-буфетчик, ничем не отличалась от отрепьев этих головорезов.

В Собрании меня заверили, что короля не будут переводить в Люксембургский дворец; его признали государственным преступником, и теперь доступ к нему без письменного разрешения Коммуны запрещен. Я вышел из Собрания и, опасаясь, как бы за мной не стали следить и не обнаружили мое жилище, отправился ночевать не к себе, а к брату.

Став свидетелем неописуемых ужасов, я чувствовал, как душу мою наполняет великое отчаяние. Но больше всего меня угнетала мысль о том, что виновники этой бойни взяли верх и останутся безнаказанными. Весь день снедаемый тревогой за близких, я особенно обрадовался встрече с братом, его женой и Лазовским. Спустя несколько часов у нас попросили убежища четыре офицера-швейцарца, которым удалось спастись от убийц; среди них был и Дюрлер. На следующий день рано утром швейцарцы ушли.

11 АВГУСТА 1792 ГОДА

В одиннадцать утра мой лакей сказал, что ему удалось повидаться с Турзель и мадам де Пуа: с ними все в порядке. Однако бойня продолжалась, народ с удвоенной яростью расправлялся со швейцарскими гвардейцами, которым вчера удалось спастись.

Мы завтракали, когда нас предупредили, что к дому брата приближается целая толпа вооруженных пиками головорезов и они уже свернули с бульвара; так как у брата обычно проживал кто-нибудь из офицеров-швейцарцев, бандиты намеревались произвести у него обыск. Тотчас мы приняли решение разойтись; как оказалось, я надолго расставался с родными. Я ушел вместе со своим лакеем; невестка, хрупкая женщина на восьмом месяце беременности, была вынуждена укрыться в доме одного из своих слуг; брат отправился в секцию, чтобы попытаться получить охранный лист, а Лазовский, как я и полагал, остался дома. Прощаясь, я сказал им, что, скорее всего, уеду в Руан.

Я отправился в Собрание, чтобы узнать, жив ли еще король. По дороге я зашел к герцогу Шуазелю; его отец¹ заверил меня, что Шуазель находится в надежном убежище. Улицы выглядели уже не столь ужасно, народу встречалось мало, но, не желая подвергаться оскорблениям, я решил не рисковать и натянул на себя вчерашние лохмотья. На перекрестках толпились кучки людей, вяло бросавшие ругательства в сторону не угодивших им прохожих, но, похоже, эти люди уже не хотели повторения 10 августа.

Я вышел к Вандомской площади. Какой ужас! Площадь была заполнена построенными в колонны головорезами; каждый держал пику, на острие которой трепетал либо клочок истерзанной плоти швейцарцев, либо обрывок швейцарского мундира. Их сомкнутые ряды преграждали вход в Собрание. Среди оглашавших площадь диких воплей и проклятий звучали угрозы выпустить кишки королеве и требования головы короля. Поняв, что любая попытка проникнуть внутрь Собрания окажется безрассудством, и даже в случае успеха я ничем не смогу помочь королю, я, с горечью сознавая собственное бессилие, пошел по улице Сент-Оноре.

Площадь Людовика XV являла собой жуткое зрелище, заслуживающее, тем не менее, того, чтобы я сказал о нем несколько слов. Статую короля окружала плотная толпа; ею, похоже, руководили несколько головорезов; они останавливали повозки, выпрягали лошадей и привязывали их к концам пяти или шести веревок, опутывавших шею и ноги статуи. Несколько человек пытались выдолбить из мрамора железные скобы, чтобы статуя скорее рухнула. Те, кто не присоединился к разрушителям, воору-

¹ Подполковник маркиз Шуазель-Бопре.

жившихся палками, рыскали по площади и набрасывались на прохожих, особенно на тех, кто был одет более или менее прилично, и, называя их аристократами, забивали до смерти; одетых поплотше они называли ворами и заявляли, что согласно декрету Коммуны, принятому накануне, все воры караются смертью. В результате площадь являла собой поле, усеянное трупами; сразу несколько десятков, а то и сотня негодяев бросались на несчастного и, без всяких обвинений, не слушая ни оправданий, ни криков о пощаде, расправлялись с ним. Один несчастный был забит совсем рядом с тем местом, где укрылся я, так что даже чулки мои оказались забрызганными кровью и мозгами.

Увидев, как при падении статуи Людовика XV куски мрамора раздавили едва ли ни сотню республиканцев, явившихся на площадь содействовать разрушителям, я испытал печальное удовольствие.

Проходя по мосту Людовика XVI, я увидел, что на набережной все еще лежат трупы. Я направился домой, но меня остановил слуга, которого я послал на улицу Бургонь, дабы удостовериться, что возле дома меня не подкарауливает опасность. Подбежав ко мне, он предупредил, что по улице, где я жил, прогуливаются какие-то типы, которые постоянно озираются, словно кого-то выслеживают, и то и дело останавливаются у дверей моего дома¹. Следуя его совету, я решил не идти домой, а отправился к мадам де Леви, проживавшей в конце улицы Сен-Доминик.

Туда же я велел прийти всем своим слугам, а также слугам моего отца; отдав им надлежащие распоряжения, я приказал отвести моих верховых лошадей на задворки Военной Школы. Я еще раньше велел обследовать тамошнюю местность, и меня заверили, что патрули туда не заглядывают. Я строго распорядился накрыть седла одеялами, дабы со стороны казалось, что лошадей вывели погулять.

Отъезд был сопряжен с множеством трудностей. Я был уверен, что существуют самые строгие указания относительно тех, кто пожелает покинуть Париж. Новая власть не хотела, чтобы предназначенные на заклание жертвы избежали своей участи, а все говорило за то, что мне предстояло стать одной из них. Паспорт

¹ Особняк герцога де Лианкур был расположен на улице Варенн, неподалеку от пересечения улицы Варенн с улицей Бургонь.

на мое имя был очень старый, и, если бы меня остановили, то непременно завернули бы обратно в Париж; следовательно, предстояло прорываться силой, но желательно без шума.

От мадам де Леви я вышел в сопровождении только своего лакея-англичанина; в надежде, что нас примут за иностранцев, мы разговаривали очень громко. Возле Военной Школы мы наткнулись на патруль, вооруженный пиками; шайка головорезов шла медленно, а когда мы их обогнали, вслед нам полетели насмешки и ругань. Завидев своих лошадей, я отпустил слугу, велел ему попрощаться за меня с моими родными и друзьями. Быстро вскочив в седло и выхватив пистолет, я поскакал галопом по дороге на Версаль.

*Предисловие, перевод с французского
и примечания Елены МОРОЗОВОЙ*